

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

П.В. Соколов

**PHYSICA SACRA ИСААКА НЬЮТОНА
В КОНТЕКСТЕ ТРАКТАТОВ
О «ТЕОРИИ ЗЕМЛИ»**

Препринт WP6/2011/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва

2011

УДК 16
ББК 87.21
С59

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

C59 **Соколов, П. В.** *Physica sacra* Исаака Ньютона в контексте трактатов о «теории Земли»: препринт WP6/2011/02 [Текст] / П. В. Соколов; Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 28 с. — 150 экз.

В настоящем исследовании на материале экзегетических и натурфилософских сочинений Исаака Ньютона, его учеников (У. Уистон) и оппонентов (Ч. Бернет) рассматриваются предпосылки и контекст становления принципа объективности в новоевропейском научном мышлении. Предметом анализа становится конституция трех эпистемологических принципов, синтез которых формирует облик науки Просвещения: герменевтической прозрачности текста в экзегетике, достоверности *more geometrico* в естественных науках и реалистического мимесиса в литературной критике. Кроме того, рассматривается эпистемологический проект, альтернативный этой «объективистской» парадигме, — проект, сопрягающий аллегорическое толкование в библеистике, гипотетический метод в физике и примат литературности над референциальностью — в литературной теории. Данное исследование призвано стать пролегоменами к генеалогии *объективной реальности*, — онтологического *a priori* новоевропейской картины мира, рождающегося из лоно языкового и методологического синкретизма раннего Нового времени.

УДК 16
ББК 87.21

Sokolov, Pavel. Isaac Newton's *Physica Sacra* within the Context of Treatises on the "Theory of the Earth": Working paper WP6/2011/02 [Text] / P. Sokolov; Higher School of Economics. — Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. — 28 p. — 150 copies.

Drawing upon exegetical and scientific writings of Isaac Newton, his followers (W. Whiston) and opponents (Ch. Burnet), present study deals with the rise of objectivism — fundamental epistemic principle underlying the modern scientific worldview. The study is focused upon the synthesis of three epistemological principles, which shaped the science of Enlightenment: hermeneutic transparency of text in exegesis, mathematical certainty in natural science, and realistic mimesis in literary criticism. The author also examines the epistemological project, opposed to objectivistic paradigm, that puts together allegory in biblical scholarship, hypothetical method in physic and the primacy of literariness over referentiality in literary theory. Present article seeks to contribute to the genealogy of objective reality — ontological *a priori* of the modern scientific thought, emerged from the confusion of methodologies and discourses, characteristic to early Modern Times.

**Препринты Высшей школы экономики
размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Соколов П. В., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Nature and Nature's laws lay hid in night:
God said, "Let Newton be!" and all was light.

Alexander Pope, Epitaph intended for Sir Isaac Newton

At the last, by the will of God, a light shall be sent upon thy Matter,
which thou canst not imagine; then expect a sudden end

Eiraeneus Philalethes, Secrets Reveal'd. Ex libris I. Newtoni¹

Известный американский историк библейской герменевтики Ричард Генри Попкин в одной из своих работ об Исааке Ньютоне задается вопросом, столь же провокативным, сколь и риторическим: почему все-таки Ньютон, этот блестящий богослов, вообще решил посвятить себя еще и естественным наукам? Нарочитая парадоксальность Попкина должна, разумеется, восприниматься *cum grano salis*, однако она и в самом деле очень точно отражает естественную для ученого времен Ньютона интерференцию научных задач и интересов. В научной литературе Просвещения дисциплины и проблемные поля, которые для нововременного научного мышления представляются радикально несоизмеримыми и лежащими в разных плоскостях, образуют непрерывный континуум. В настоящем исследовании мы рассмотрим на материале экзегетических сочинений Исаака Ньютона, его учеников и оппонентов конstellацию трех эпистемологических принципов, синтез которых формирует облик науки Просвещения: герменевтической прозрачности текста в экзегетике, достоверности *more geometrico* в естественных науках и реалистического мимесиса в литературной критике. Кроме того, предметом исследования станет эпистемологический проект, альтернативный этой «объективистской» парадигме, – проект, сопрягающий аллегорическое толкование в библеистике, гипотетический метод в физике и примат литературности над референциальностью – в литературной теории. Подобное исследование призвано стать пролегоменами к генеалогии *объектной реальности*, – онтологического а priori новоевропейской

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0138 «Ньютон-библеист: герменевтика природы и физика Писания» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

картины мира, рождающегося из лона языкового и методологического синкретизма раннего Нового времени. Принцип объективности – эпистемологического коррелята объектной реальности – в позитивистской науке XIX – начала XX вв. в последние годы исследуется очень активно: достаточно упомянуть вышедшую в 2007 г. монографию Л. Дастон и П. Галисона². Однако задача реконструкции доклассического этапа истории объективности по сей день остается реализованной лишь *in nuce*: настоящее исследование имеет целью рассмотреть предпосылки и контекст становления «объективистской» парадигмы на материале «трактатов о теории Земли» Исаака Ньютона, его последователей и оппонентов.

Метафора «двуликого Януса», стяжавшая популярность в исследовательской литературе благодаря хрестоматийно известной книге Бетти Доббс³, как нельзя лучше передает впечатление амбивалентности, которое испытывает историк науки, соприкасаясь с конструируемой Ньютоном синкретической моделью научного знания. Впрочем, это ощущение парадоксальности испытывали уже многие современники, для которых синтез Ньютона казался непозволительно архаичным: так возникла идея о загадочной метаморфозе, заставившей великого математика обратиться к богословским спекуляциям. Объяснения этой метаморфозе давались самые разные: так, Вольтер полагал, что богословские увлечения отца математической механики были связаны с тем, что он отравился ртутью, проводя алхимические эксперименты. Другие склонны были думать, что всему виной несчастный случай, способствовавший преждевременному погружению Ньютона в старческий маразм: говорили, что он сильно ударился головой, споткнувшись о собственного кота⁴. Однако в историко-научной литературе новейшего времени это биографическое объяснение видимой противоречивости научных интересов Ньютона было отклонено: в действительности Ньютон занимался богословскими проблемами отнюдь не только на склоне лет, а на протяжении всей жизни.

² *Daston L., Galison P. Objectivity.* N. Y., 2007.

³ *Dobbs B.J.T. The Janus Faces of Genius: The Role of Alchemy in Newton's Thought.* Cambridge, 2002 (1991).

⁴ Среди прочих объяснений «теологического поворота», якобы постигшего Ньютона в преклонном возрасте, упомянем еще «нервный срыв» – версию Ж.Ж. Био (см.: *Pedersen O. The Two Books. Historical Notes on Some Interactions between Natural Science and Theology.* Vatican, 2007. P. 231).

Просвещенческий рефлекс игнорирования «оборотной» стороны Ньютонова гения нашел отражение и в издательской судьбе его богословского наследия. Епископ Рочестерский Семьюэл Горсли (1733–1806), составивший полное собрание сочинений Ньютона в пяти томах ин-кварти (Isaaci Newtoni Opera quae extant Omnia) спустя несколько десятилетий после его смерти (в 1779–1785 гг.), исключил из него все теологические сочинения. И даже двести лет спустя, в сороковые годы XX столетия такой всемирный центр истории науки, как Принстонский Institute for Advanced Studies, отказался даже по протекции Альберта Эйнштейна принять архив богословских сочинений Ньютона, мотивируя это тем, что рукописи не имеют научной ценности⁵. Издательская одиссея богословско-эзегетического архива Ньютона еще и поныне далека от завершения. Процесс реабилитации и реинтеграции в проблемное поле истории науки Ньютоновой теологии начался лишь в 1980-е годы после выхода в свет биографического исследования У. Вестфалла, вскоре приобретшего статус классического⁶. Оригинальность подходов Вестфалла была связана, помимо прочего, с тем, что в своей работе он использовал микрофильмы богословских рукописей Ньютона из Иерусалимского архива Иегуды (тех самых, которые некогда отверг Принстон). Впрочем, Вестфалл в значительной степени оставался еще в плену позитивистской парадигмы, четко разделявшей «двух Ньютонов»: великого математика, первооткрывателя закона всемирного тяготения, и арианского богослова, чьи труды были, в общем, вполне заслуженно забыты современниками и потомками. Однако уже в самом скором времени усилиями целой плеяды историков науки – Р. Попкина, Дж. Форса, С. Мандельброта, Б. Доббс в поздний период ее научного творчества, С.Д. Снобелена – разные грани ньютонианского синтеза, в котором соседствуют герметическая алхимия и физика, историография и нумерология, сделались вполне легитимным предметом исследования в историко-научной литературе⁷.

⁵ *Popkin R.H.* Introduction // *Bible Scholarship in the Netherlands of Spinoza's Time and in the British Isles of Newton's Time.* Dordrecht, 1994. P. X.

⁶ *Westfall R.S.* *Never at Rest: a Biography of Isaac Newton.* Cambridge, 1983.

⁷ Так, комментируя вынесенную нами в эпиграф знаменитую эпитафию А. Поупа, которая должна была украсить надгробие Ньютона в Вестминстерском аббатстве, Дж. Форс замечает: “Much, much more than “nature and nature's laws”, as far as Newton is concerned, apparently “lay hid in night” before “God said, ‘Let Newton be, And all was light’”. *Force J.E.* “Children of the Resurrection” and “Children of the Dust”: Con-

Одна из очевидных точек пересечения «гуманитарных» и естественнонаучных штудий Ньютона – разработанная им и его учениками теория происхождения Земли. В раннее Новое время необходимым элементом научной космогонии являлась экзегеза Книги Бытия (скандальным исключением была космогония Декарта): естественнонаучная аргументация и библейская герменевтика сосуществовали в трактатах о происхождении Земли на равных правах. Примечательно то, что экзегетический инструментарий, которым оперирует Ньютон, и некоторые базовые понятия его натурфилософского языка обнаруживают удивительную близость. Речь идет прежде всего о таких основополагающих эпистемологических категориях, как *natural, simplicity, obvious, certain, plain*. Апелляция к «непосредственной очевидности» и «простоте» как базовым принципам исследования природы лежит в основе парадигматического для естественнонаучного мышления Нового времени представления о научном исследовании как тавтологии действительности⁸. Эти же категории используются Ньютоном и при толковании Священного Писания: в этом контексте они выражают одномерность и герменевтическую прозрачность библейского текста. Подвижность границ между толкованием текста и исследованием природы находит отражение не только в общности терминологического аппарата, но и в аналогии методов: так, в «*Scholium generale*» – введении к «Математическим началам натуральной философии», – индуктивный метод характеризуется как пропедевтика аллегорического истолкования природы, а натурфилософия в целом – как пропедевтика богословия⁹.

Целью сравнительного исследования герменевтики и натурфилософии Ньютона не может быть, однако, лишь восстановление доброго имени эпонима нововременной механики. Подобное исследование призвано способствовать уточнению наших представлений о демаркации и иерархии дисциплин в эпоху Научной революции и, быть

fronting Mortality and Immortality with Newton and Hume // *Everything Connects: In Conference with Richard H. Popkin: Essays in His Honor* / eds. J.E. Force, D.S. Katz. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 134.

⁸ *Bernstein R.J.* *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*. Pennsylvania, 1983. P. 9.

⁹ О богословии “*Scholium generale*” см.: *Snobelen S.D.* “God of Gods, and Lord of Lords”: The Theology of Isaac Newton’s General Scholium to the Principia // *Osiris*. Vol. 16. 2001. P. 169–208.

может, частичному пересмотру одного из постулатов классической истории науки, согласно которому именно в этот период закладываются основания доминирования естественнонаучного метода в современном научном мышлении. Одним из основоположников классического видения истоков современной научной картины мира был Вильгельм Дильтей, составивший очерк «естественной системы наук о духе в XVII в.»¹⁰. Для целей нашего исследования работа Дильтея важна тем, что она впервые представляет трансформацию естественных наук и библейской герменевтики как два аспекта единого процесса — движения европейского мышления от средневековой метафизической установки к объективистской и натуралистической. В то же время история взаимоотношения гуманитарных наук с естественными характеризуется у Дильтея, на наш взгляд, односторонне — как процесс «трансфера» в сферу наук о духе принципов, созданных в науках о природе¹¹. Однако в действительности дисциплинарный синкретизм эпохи Научной революции в определенном отношении представляет собой инверсию научного мышления XIX в., когда естественные науки устанавливают монополию на точность и достоверность и становятся источником и мерилем научности для гуманитарных дисциплин¹². Влияние естественнонаучного идеала точного метода и математической достоверности на гуманитарные науки раннего Нового времени несомненно, однако оно не было ни абсолютным, ни односторонним. Об этом свидетельствует ряд фактов истории науки: так, согласно некоторым исследователям, развитие оптических теорий в XVI—XVII вв. и даже усовершенствование телескопов было в значительной мере стимулировано попытками объяснить ошибки в Шестодневе¹³ аберрациями человеческого зре-

¹⁰ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и реформации / пер. М.И. Левина. М.: Иерусалим, 2000 (<http://vf.narod.ru/classik/dilthey/ocherk1/ocherk1.htm>).

¹¹ Ср.: «Исследование причинных связей и поиск закономерностей были перенесены из естествознания в сферу наук о духе» (*Он же*. Собрание сочинений в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова, Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М., 2000. С. 672).

¹² Критику позиции Дильтея см.: Thouard D. Einleitung. Die Folgen der Philologisierung / Philologie als Wissensmodell / La Philologie Comme Modèle de Savoir / ed. D. Thouard, F. Vollhardt, F. Zini. Göttingen, 2010. S. 8–9.

¹³ Шестоднев (греч. Нехаёмерон) — библейский рассказ о шести днях творения, содержащийся в первой главе Книги Бытия, а также комментарий на этот рассказ. Классические святоотеческие Шестодневы были созданы в IV в. Василием Великим

ния (различные оптические объяснения астрономическим неточностям в рассказе Моисея предлагал, к примеру, Иоганн Кеплер)¹⁴. Хотя уже многие современники Ньютона высказывались в пользу последовательной демаркации естественнонаучной и гуманитарной методологии, — достаточно вспомнить декларативный отказ П. Бойля объединять в рамках космогонической теории физику и филологию¹⁵, — все же интерференция категорий и методов, применяемых для исследования природного универсума и для анализа текста, может рассматриваться как конститутивная черта ранненовременно го мышления.

В историко-научной концепции Мишеля Фуко гомология способов исследования текста и природы объясняется с помощью принципа «*privilège absolu de l'écriture*» — дискурсивная и природная реальность образуют нерасторжимое единство, как бы единый текст. Открытие Фуко «текстуальной природы» физического мира как параметра ренессансной эпистемы вызвало к жизни концепцию «упадка эмблематического мышления», призванную объяснить причины отказа от примата аналогического способа объяснения в эпоху Научной революции. Эта концепция стяжала популярность в исследовательской литературе благодаря работам У. Эшворта¹⁶ и П. Финдлен¹⁷, а в последнее время — Дж. Дж. Боно и Б. У. Огилви¹⁸. Образ «упадка» очень точно отражает феномен исчезновения символического измерения природного мира в естественнонаучной литературе XVII в. В ренессансную эпоху предмет естественнонаучного исследования

и Амвросием Медиоланским. Ко времени Ньютона число трактатов, относящихся к этому жанру, исчислялось несколькими десятками: уже в конце XIV в. Генрих фон Лангенштайн в своих «Чтениях на Бытие» (*Lecturae super Genesim*) насчитал 64 Шестоднева (см. *Steneck N.H. Science and creation in the Middle Ages: Henry of Langenstein on Genesis. L., 1976. P. 24–25*).

¹⁴ *Dobbs B.J.T. The Janus Faces of Genius... P. 61.*

¹⁵ But you, I presume, expect that I should discourse of this matter like a naturalist, not a philologist. Цит. по: *Walton M.T. Boyle and Newton on the Transmutation of Water and Air, from the Root of Helmont's Tree // Alchemy and Early Modern Chemistry: Papers from Ambix / ed. A.G. Debus. Huddersfield, 2004. P. 481.*

¹⁶ *Ashworth W. Natural History and the Emblematic World View // Reappraisals of the Scientific Revolution / eds. C. Lindberg, R.S. Westman. Cambridge, 1990. P. 303–331.*

¹⁷ *Findlen P. Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy. Berkeley; Los Angeles, 1986.*

¹⁸ *Ogilvie B.W. The Science of Describing: Natural History in Renaissance Europe. Chicago, 2006.*

включается в сложную систему символических связей и симпатических аналогий: это особенно хорошо видно на примере биологических сочинений этого времени. Так, чрезвычайно популярная в свое время «Естественная история» Конрада Геснера (*Historia animalium*, 1555) включает в себя наряду с привычными для нас биологическими характеристиками животных весь набор символических коннотаций, с этими животными связанных¹⁹. Символический универсум ренессансных ученых имел тенденцию к расширению: так, если в «Истории» Геснера изъяснения этимологии имени павлина и его символической связи с растениями и минералами умещается на трех страницах, то в популярном трактате Улисса Андрованди (1522–1605) толкованию павлина посвящена уже тридцать одна страница! Контекст ренессансных «естественных историй» образуют не позднейшие естественнонаучные сочинения, а трактаты по эмблематике и иероглифике наподобие «Иероглифики» Пиерио Валериано (1593–1604) или четырехтомного трактата об эмблемах Иоахима Камерария. Тотализирующая претензия ренессансной эмблематики в сфере познания природы была выражена Богуславом Бальбином в хрестоматийно известном афоризме: «Нет ни одной вещи под солнцем, которая не могла бы послужить материалом для Эмблемы» (*Nulla res est sub sole, quae materiam Emblematici dare non possit*)²⁰. Водоразделом между ренессансными естественными историями и нововременными естественнонаучными сочинениями считается “*Historia naturalis*” Джонса Джонстона (1650–1653) – с момента выхода в свет этой «естественной истории» символические толкования начинают занимать все менее значительное место в научных текстах, пока наконец не исчезнут из них совершенно. В 1652 г. Александр Росс в своем трактате *Arcana Microcosmi* мог уже поставить в упрек Томасу Брауну, автору весьма популярной естественной истории под названием «Псевдодоксия» (1646), то, что его описание животных «скорее Иероглифическое и Эмблематическое, чем подлинно историческое»²¹. На-

¹⁹ *Bono J.J.* From Paracelsus to Newton: The Word of God, the Book of Nature, and the Eclipse of the “Emblematic World View” // *Newton and Religion: Context, Nature and Influence* / ed. J.E. Force, R.H. Popkin. Dordrecht, 1999. P. 48.

²⁰ Цит. по: *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи (<http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/mihajlov-barokko-4.htm>).

²¹ Цит. по: *Killeen K.* *Biblical Scholarship, Science and Politics in Early Modern England: Thomas Browne and the Thorny Place of Knowledge.* Farnham, 2009. P. 158.

конец, в 1678 г. Джон Рэй в «Орнитологии» очень четко обозначит свой разрыв с традицией ренессансных естественных историй: «Мы полностью оставили в стороне все то, что нашли у других Авторов относительно Омонимов и Синонимов, различных названий Птиц, Иероглифов, Эмблем, Поучительных историй, Басен, Примет, т.е. все то, что имеет хоть какое-то отношение к Богословию, Этике, Грамматике или Гуманитарным Наукам (Humane Learning)»²².

Явление «упадка символической картины мира» в историко-научной литературе объясняется по-разному. Так, У. Эшворт предполагал, что элиминация символического измерения могла быть связана с кумулятивным приростом научных знаний — открытием новых видов растений, животных и т.д., не имевших символических коннотаций в европейской традиции. Другой возможной причиной этого явления он предлагал считать трансформацию представлений об «исторической достоверности», совершившуюся под влиянием северо-европейской антикварной традиции (принцип «артефакт не лжет») — итогом этой трансформации стало превращение предмета науки из символа в объект²³. Историки науки, отправляющиеся от тезиса Фуко о «текстуальности» ренессансной эпистемы, — к примеру, Джеймс Джозеф Боно, — связывают распад символического универсума с трансформацией концепций языка (скажем, у Френсиса Бэкона) и теорий нарратива в эпоху Научной революции²⁴. Согласно Боно, предпосылкой дискредитации эмблематического мировоззрения в естественнонаучной литературе стал триумф классифицирующего дискурса, отдающего предпочтение различиям перед аналогиями, в результате которого аллегорические «блазоны» сменились таксономиями наподобие Линнеевой классификации видов. По мнению исследователя, представление о природе как тексте («Книга Природы») остается в силе, однако по-другому мыслится позиция «читателя» этого текста — он более не археолог, пытающийся реставрировать *lingua adamica*, утраченный вследствие грехопадения, а новатор и автор универсального языка (будь то математический язык Ньютоновой механики или дескриптивный — экспериментальной химии), имманентного самому физическому миру.

²² Цит. по: *Killeen K. Biblical Scholarship, Science and Politics in Early Modern England: Thomas Browne and the Thorny Place of Knowledge. Farnham, 2009. P. 158.*

²³ *Ashworth W. Op. cit. P. 322.*

²⁴ *Bono J.J. The Word of God and the Languages of Man: Interpreting Nature in Early Modern Science and Medicine. Madison, 1995. P. 180.*

Наряду с эволюцией теорий языка, важной предпосылкой трансформации способов «чтения» природного универсума в раннее Новое время стала эволюция методов интерпретации текста, прежде всего, доминирование буквального толкования в библейской герменевтике. Связь буквалистской протестантской экзегезы и естественных наук отчетливее всего видна на материале натурфилософских толкований рассказа Моисея о сотворении мира. Значимость экзегезы Шестоднева для европейской философии Просвещения становится ясна хотя бы из того обстоятельства, что первые в Новое время историки философии, среди которых упомянем Иоганна Якоба Брукера и Даниила Георга Морхофа, говорили об особой школе «философов, следующих Моисею», наравне со школами стоиков, эпикурейцев, платоников и т.д.²⁵ Натурфилософская интерпретация Шестоднева была одной из наиболее популярных тем обсуждения в английском научном сообществе конца XVII в.: о происхождении Земли рассуждали в кофейнях, клубах, академиях и университетах. Граф Кербери в беседе с Уильямом Николсоном Карлайлом однажды заметил, что с тех пор как Декарт указал путь рассуждения о начале мира, каждый философ стал считать себя достаточно мудрым, чтобы представить собственную версию космологии. Различные теории Земли интенсивно обсуждались, к примеру, в Испанском кофейном клубе; главными фигурами были здесь Е. Халли и Р. Хук. В беседах и дискуссиях завсегдатаев клуба был сформулирован ряд идей, развитых впоследствии Ньютоном, его последователями и оппонентами: теория потопа как следствия воздействия кометы, учение о существовании в недрах Земли ее уменьшенной копии – *terrella*, попытки реанимировать Аристотелево учение о вечности мира и призыв изучать геологические отложения для реконструкции геогонии. В то же время сам тезис о возможности экстрагировать из текста Писания натурфилософское учение вызывал порой диаметрально противоположные реакции: так, если Ян Амос Коменский связывает предстоящую реформу физики с устранением ошибок в экзегезе Шестоднева, то Френсис Бэкон в «Новом органоне» высказывается о физических толкованиях Книги Бытия более чем критически.

²⁵ *Blair A.* Mosaic Physics and the Search for a Pious Natural Philosophy in the Late Renaissance // *Isis.* 91 (1). 2000. P. 5.

Ньютон был, безусловно, одним из наиболее последовательных адептов гармонии космологической теории и библейской герменевтики. В своей экзегезе Шестоднева Ньютон использует две парадигмы интерпретации, на первый взгляд, с трудом сочетающиеся друг с другом. Одна из них заимствуется им из ренессансной традиции герметических толкований на Шестоднев, связывающей между собой библейский рассказ о сотворении мира и герметические космогонии. Ньютон многократно говорил о том, что истина алхимии открывается именно в Писании²⁶. Около 1684 г. Ньютон пишет комментарий на «Изумрудную скрижаль» — один из самых известных текстов, входящих в состав Герметического корпуса, завершающийся словами «Sic mundus creatus est» (Так был сотворен мир). За основу своего герметического толкования рассказа о возникновении Земли Ньютон принял интерпретацию герметической космогонии Иринейя Филалета — алхимика, загадочного автора трактата под названием «Разоблаченные Тайны: Отверстая Стезя в Неведомое» (*Secrets Revealed: An Open Entrance to the Clos*. Amsterdam, 1667). Согласно этой интерпретации, главную роль в формировании Земли сыграли процессы гниения и спонтанного порождения, которые соотносятся с соответствующими этапами алхимического делания. Особенно привлекательной казалась Ньютону алхимическая категория «философского хаоса»: она позволяла связать воедино герметическую мудрость, рассказ Моисея о «тьме над бездной» и самые современные теории происхождения Земли. Толкования на «Изумрудную скрижаль» обнаруживают специфическую особенность ньютонианской герменевтики, сочетающей приверженность архаическим способам интерпретации (чтение Книги Бытия сквозь призму герметического учения, нумерологические интерпретации пророческих книг) и восприимчивость к самым передовым критическим теориям: мы знаем из других источников, что Ньютон был знаком с сочинениями Ришара Симона, являлся сторонником гипотезы о преадамитах и прамонотеизме и отказывался считать Моисея автором Пятикнижия²⁷.

²⁶ This philosophy (алхимия. — П. С.) both speculative and active is not only to be found in the volume of nature but also in the sacred scripture, as in Genesis, Job, Psalms, Isaiah & others. Цит. по: *Stokes M.* Isaac Newton. Nashville, 2010. P. 94.

²⁷ Об этом см.: *Popkin R.H.* Newton's Biblical Theology and his Theological Physics // *Newton's scientific and philosophical legacy* / eds. P.B. Scheurer, G. Debrock. Dordrecht, 1988. P. 81—97.

Поразительная — вопреки выраженной критической интуиции — верность Ньютона и его учеников ренессансной традиции «*prisca philosophia*» в эпоху торжества критики и спустя восемьдесят лет после выхода в свет «Опытов» Казобона²⁸ кажется почти невероятной, однако не следует забывать о том, что учителями Ньютона были и Генри Мор, знаменитый кембриджский платоник, и Ральф Кадворт, хотя и признававшийся частично правоту Казобона, но считавший *Corpus Hermeticum* весьма полезным источником для изучения древности²⁹. Кроме биографических, были, разумеется, и другие причины, объясняющие обращение Ньютона к герметической космологии. Прежде всего необходимо принять во внимание традиционализм мышления Ньютона: оставаясь и в этом верным ренессансной традиции, он полагал, что, создавая свою механику, в частности, разрабатывая теорию гравитации, он лишь восстанавливает древнее учение пифагорейцев. Согласно Ньютону, в пифагорейском учении мы можем обнаружить и атомизм, и гелиоцентризм, — пифагорейство представляет собой своего рода сумму новейшего естествознания³⁰. Кроме того, обращение Ньютона к герметической алхимии объясняется родством этой синкретической «науки» с экспериментальной химией. Герметическое прочтение Ньютоном Книги Бытия может служить замечательной иллюстрацией тезиса Фердинанда Хофера о родстве алхимии, особенно в парацельсистском ее изводе, и экспериментальной науки³¹. К экспериментальной практике Ньютон прибегнул в 1660-е годы в Тринити-колледже: в частности, он проводил эксперименты по получению «философской ртути»³². Ньютон противопоставляет экспериментальную верификацию фактов гипотетическому методу Декарта: применение математического метода

²⁸ Напомним, что Исаак Казобон в своем труде «Шестнадцать опытов о вещах священных и церковных» (1614 г.) подверг сомнению традиционную датировку Герметического корпуса, доказав методами филологической критики, что этот текст был создан в эллинистическую эпоху. Критика Казобона имела судьбоносное значение для ренессансной герметической традиции и историософии *prisca sapientia* в целом. См.: *Йеѹмц Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция (<http://www.psylib.ukrweb.net/books/yates03/txt21.htm>).

²⁹ *Йеѹмц Ф.* Цит. соч. (<http://www.psylib.ukrweb.net/books/yates03/txt21.htm>).

³⁰ Подробнее об этом см.: *Guicciardini N.* Reading the Principia: The Debate on Newton's Mathematical Methods for Natural Philosophy from 1687 to 1736. Cambridge, 2003 (1999). P. 99–118.

³¹ *Hofer J.Ch.F.* Histoire de la chimie. P., 1869. Vol. II. § 2. P. 3–4.

³² *Fanning Ph.A.* An Alternate View of the Scientific Revolution. Berkeley, 2009. P. 158.

к экспериментальным данным — вот формула достоверности³³. Однако рецепция герметической традиции привела к включению в экзегетический инструментарий Ньютона элементов, отстоящих от строгого сциентистского принципа гораздо дальше, чем гипотетический метод Картезия: родство герметической алхимии и экспериментальной химии легитимирует включение в экзегезу Шестоднева таких составляющих герметической парадигмы токования, как, к примеру, параллелизм процесса творения мира, алхимического делания и морального преобразования перформатора³⁴.

Если герметические толкования Шестоднева должны были послужить связующим звеном между экспериментальной химией и *gr̄isca sapientia* пифагорейцев, то обращение к буквалистской экзегезе Книги Бытия имело целью объединить космологию и протестантскую герменевтику. Традиция легитимирования новейших натурфилософских теорий, в частности, гелиоцентрической системы, посредством искусной экзегезы Моисеева Шестоднева к этому времени была уже достаточно авторитетной. В «Коперниканских письмах» (1613–1615) Галилео Галилея противоречие некоторых фрагментов Писания гелиоцентрической системе объясняется с помощью «теории аккомодации». В самом общем смысле «теория аккомодации» предлагала понимать «неудобные» места Писания как следствие потребности священных писателей соизмерять форму и содержание создаваемого ими повествования с интеллектуальным уровнем их современников. Для языка священных писателей характерно использование двусмысленных выражений — омонимических и синонимических терминов и метафор. Подобное словоупотребление отвечает неточности чувственного восприятия — единственного способа восприятия, до которого могли подняться иудеи — современники библейских писателей. Натурфилософские положения, содержащиеся в библейском тексте, сформулированы на несобственном языке и поэтому нуждаются в транскрипции на чистом языке математики, т.е. том языке, которым написана Книга Природы³⁵. В отличие от библейского тек-

³³ *Guicciardini N.* Isaac Newton on Mathematical Certainty and Method. Massachusetts, 2009. P. 29.

³⁴ *Dobbs B.J.T.* Op. cit. P. 77–78.

³⁵ *Palmerino C.R.* The Mathematical Characters of Galileo's Book of Nature // The Book of Nature in Early Modern and Modern History / eds. K. van Berkel, A. Vanderjagt. Leuven, 2006. P. 27–45.

ста, Книга Природы не принимает во внимание слабость человеческого разума — истина содержится в ней непосредственно и буквально. Именно поэтому, согласно Галилею, философы, претендующие на символическое толкование Книги Природы, создают лишь поэтические вымыслы наподобие Илиады или *Orlando Furioso*³⁶. Метафорический язык библейских писателей и математический язык Природы наделяются различным эпистемологическим статусом: первый — область правдоподобного, второй — аподиктически достоверного. Однако граница между этими областями для Галилея в действительности не является абсолютной. Характерно, к примеру, что Галилей в своих ответах комиссии кардиналов оказался вынужден само учение Коперника объявить лишь «вероятным», а апологию своих естественнонаучных взглядов в «Двух главнейших системах мира» построить как диалектическое рассуждение *in utramque partem*³⁷. Амбивалентность статуса «вероятного» суждения у Галилея имеет свою предысторию. Контаминация риторических и демонстративных аргументов, и следовательно, диалектического и аподиктического видов достоверности — отличительная черта рамистской натурфилософии (Омер Талон, Ги де Брюэ, Понтюс де Тиар)³⁸. Языковой пуризм, который демонстрирует Галилей в своих рассуждениях о языке Писания, контрастирует с его собственным способом рассуждения в «Двух главнейших системах», а равно и с цитировавшимися выше высказываниями об эпистемологическом статусе аргументов в защиту гелиоцентризма.

Таким образом, предпосылкой «физико-богословского» синтеза Галилея был тезис о метафоричности библейского языка — тезис, обозначавший принципиально асимметричное отношение между «Книгой Природы» и «Книгой Писания». Ньютон и его последователи попытались восстановить согласие между «двумя книгами», задействовав для этого категорию буквального смысла в ее протестантском изводе. Но прежде чем перейти к рассмотрению герменевтики Ньютона и ньютоналинцев, обратимся к альтернативным экзегетическим

³⁶ Об этом см.: *Bono J.J.* The Word of God and the Languages of Man... P. 196.

³⁷ *Moss J.D., Wallace W.A.* Rhetoric and Dialectic in the Time of Galileo. Cambridge, 2003. P. 10–12.

³⁸ *Lewis J.M.* Galileo in France: French Reactions to the Theories and Trial of Galileo. N. Y., 2006. P. 74–75.

теориям, в полемике с которыми эта герменевтика и конституировалась.

Помимо «теории аккомодации» в разных ее изводах, разрешить противоречие между новейшими космологическими теориями и буквальным смыслом рассказа Моисея о шести днях творения могло обращение к аллегорическому толкованию, этому «сверхмощному оружию для внедрения новых смыслов в старые тексты», по знаменитому выражению Антуана Компаньона³⁹. Однако аллегореза в научном сообществе протестантской Англии стабильно ассоциировалась с католицизмом, а поиск иносказаний в библейском тексте и вовсе был небезопасен для толкователя. В Оксфорде приверженность аллегорическим толкованиям грозила экзегету не только бойкотом со стороны коллег, но и дисциплинарными санкциями, вплоть до изгнания из университета. Об одном таком случае сообщает нам в своих «Мемуарах» Уильям Уистон. Тонем, который сгодился бы скорее для некролога, чем для академического мемуара, он рассказывает об одном из своих коллег по имени Вулстон: тот был великолепным проповедником, выдающимся ученым, достойным товарищем — и все это до тех пор, пока, к несчастью, не стал читать Оригена (причем, что характерно, втайне от всех)⁴⁰. Увлечшись сверх меры толкованиями этого отца христианской аллегорезы, он вызвал всеобщее возмущение и вскоре был отрешен от преподавания; потеря институционального положения заставила его пойти еще дальше в своих заблуждениях и применить аллегорическое толкование не только к Ветхому, но и к Новому Завету. Здесь Уистон прерывает свой рассказ, мотивируя это тем, что на этом этапе он прекратил всякое общение с закосневшим в ереси коллегой.

Однако, несмотря на опасность, некоторые авторы все же отваживались на аллегорическое толкование Шестоднева: среди них наиболее известен Томас Бернет (ок. 1635—1715). Бернет был автором двух трактатов, посвященных экзегезе Шестоднева: «Священ-

³⁹ *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М., 2001. С. 67.

⁴⁰ He most unfortunately fell into Origen's allegorical works; and poring hard upon them, without communicating his studies to anybody, he became so fanciful in that matter, that he thought the allegorical way of interpretation of the scriptures of the Old Testament, had been unjustly neglected by the moderns. Цит. по: *Force J.E.* William Whiston, Honest Newtonian. Cambridge, 1985. P. 67.

ная история Земли» (*Telluris historia sacra*, 1681) и «Философская археология, Или древнее учение о начале вещей» (*Archaeologiae Philosophicae sive Doctrina Antiqua de Rerum Originibus*, 1692). Удивительным образом эти два трактата, принадлежащие одному автору, воплотили две конфликтующие парадигмы интерпретации священного текста, существовавшие в библейской герменевтике Просвещения: «Священная история» представляет собой скрупулезное натурфилософское толкование⁴¹, «Философская археология» — аллегорезу с элементами литературной критики. Показательна реакция Ньютона и его учеников на эти сочинения: если «Священную историю» Ньютон воспринял чрезвычайно благосклонно и вступил с автором в переписку, дабы уточнить некоторые детали конструируемой им космологии, то против «Археологии» протеже и верный ученик Ньютона Уильям Уистон составил специальный трактат (анализ его см. ниже). Характерно, что автором предисловия к «Археологии» был не кто иной, как Чарльз Блаунт, один из известнейших английских деистов эпохи: аллегорическое толкование пользовалось большой популярностью у богословов этого направления, так как превращение книги Бытия в иносказание позволяло средствами герменевтики исключить реальное присутствие Бога в истории, и прежде всего в истории творения⁴². В своем трактате Бернет воспроизводит ряд традиционных аргументов, обосновывающих необходимость аллегорезы: задача апологии христианского учения против языческих и атеистических авторов («отравленных стрел Юлиана и Цельса»); чрезвычайно распространенный благодаря влиянию «Путеводителя растерянных» Моисея Маймонида аргумент от антропоморфизма⁴³; недостаточность грамматического толкования для реконструкции смысла священного текста;

⁴¹ Впрочем, этот трактат также не вполне свободен от того, что Дильтей бы назвал телеологической метафизикой в естествознании: к примеру, Бернет объясняет повышенную вулканическую активность в Италии тем, что именно там находится папский Рим — цитадель Антихриста (см.: *Farrell M. William Whiston*. N. Y., 1981. P. 86).

⁴² См.: *Herrick J.A. The Radical Rhetoric of the English Deists: the Discourse of Skepticism*, 1680–1750. Columbia, 1997. P. 39–40.

⁴³ Если Адам был сотворен «по образу Божьему» в буквальном смысле, то в чем различие между ним и Христом? (*Burnet Th. Archeologiae Philosophicae: Or, the Ancient Doctrine Concerning the Originals of Things*. London: Printed for E. Curl, 1729. P. 21).

наконец, противоречие буквального смысла Книги Бытия рациональной космологии⁴⁴.

Однако для нас наибольший интерес представляют не эти традиционные аргументы в защиту аллегории, а оригинальное осмысление Бернетом связи между аллегорией и литературной фикцией. В толковании на библейский рассказ о падении первого человека он помещает диалог между Адамом, Евой и Змеем⁴⁵: этот драматический парафраз, на взгляд Бернета, должен позволить читателю лучше понять литературную специфику библейского текста⁴⁶. Бернет, хотя и отказывается открыто квалифицировать рассказ Моисея как фиктивное повествование, все же считает нужным придать ему литературную форму, включив в свой парафраз Книги Бытия даже элементы драматургии. Более того: в «Священной теории Земли» он утверждает, что всякая теория – все равно, Природы или Провидения, – неизбежно будет иметь форму романа⁴⁷. Неожиданная аналогия между научной теорией и романом, которую Бернет допускает в сочинении, последовательно исключаящем интерпретацию библейского текста как фиктивного нарратива, нуждается в объяснении. В литературно-критических сочинениях второй половины XVII в. романная форма характеризуется как инструмент систематизации исторического опыта, причем зачастую в противоположность собственно историографическому методу, имеющему дело с единичным. Тенденцию к размыванию границы между фикцией и реальностью мы можем обнаружить как в эпистемологии, скажем, Джона Толанда, так и в реалистической английской литературе рассматриваемого периода. Так,

⁴⁴ He understands six Days Creation not literally but typically; and as Representation and Images (as it were of the six Ages of the World); I call that superstitious, which is contrary to the Nature of the Things, and Reason it self; pertinaciously adheres to Letters and Syllables, and the Grammatical Sense, nor seeks Truth any farther (Ibid).

⁴⁵ Ibid. P. 5–6.

⁴⁶ That we may more freely judge of the Thing it self; as if it were written by a modern Author. Ibid. P. 8.

⁴⁷ Short Thoughts, and little Meditations, and that are apt to distrust every thing for a Fancy or Fiction that is not the dictate of Sense, or made out immediately to their Senses. Men of such Humour or Character call such Theories as these, Philosophick Romances... Where there is variety of Parts in a due Contexture, with something of surprizing aptness in the harmony and correspondency of them, this they call a Romance; but such Romances must all Theories of Nature, and of Providence be, and must have every part of that Character with advantage, if they be well represented (*Burnet Th. The Sacred Theory of the Earth. Preface, s. p.*).

Роджер Бойл в предисловии к роману «Партенисса» перечисляет все исторические источники, которыми он пользовался при написании этого сочинения⁴⁸. Настойчивое стремление таких писателей, как Л. Стерн и Д. Дефо, представить даже наиболее невероятные сюжеты как повествования о реальных событиях — факт, достаточно хорошо известный в исследовательской литературе⁴⁹. Афра Бен в «Прекрасной обманщице» (1688) настойчиво утверждает, что предмет ее литературных опытов — “reality” и “matter of fact”⁵⁰. Бернет, представляя Книгу Бытия литературным произведением, констатирует критерии научной строгости, которым подлежит теория, и те нормы, по которым в его время литературная критика оценивала художественное произведение. Согласно Бернету, романная форма позволяет обнаружить в многообразии реальности гармонию — точно так же функционирует и теория, позволяя усматривать в многообразии фактических данных инвариантные принципы и закономерности. Однако эта «теория» является достоянием не ratio Просвещения, а барочного *ingenium*, т.е. способности, понимаемой как умение проникать в суть предмета, видеть его со всех сторон и во взаимосвязи с другими предметами — способности, в равной мере необходимой поэту для «нахождения» метафор и философу для формулировки диалектических умозаключений. Спонтанности и ситуативности действия *ingenium*, по природе своей свободное от власти традиции и авторитета, соответствует тезис Бернета об «отложенном эффекте откровения»: аллегорический нарратив обретает смысл лишь в перспективе позднейшей, подлинно научной интерпретации, ибо «истина — дочь времени» (Truth is the Daughter of Time)⁵¹.

Аналогия между научной теорией и романом могла бы показаться простой метафорой, а элементы литературного стиля в трактате Бер-

⁴⁸ *Salzman P. Theories of Prose Fiction in England: 1558–1700 // The Cambridge History of Literary Criticism: The Renaissance / ed. G.P. Norton. Cambridge, 1999. P. 302.*

⁴⁹ О реализме в литературе английского Просвещения см., например: *Watt I.R. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. Berkeley; Los Angeles, 2001 (1957).*

⁵⁰ But ‘tis a truth that entertains you with so many accidents diverting and moving that they will need both a patron and an assessor in this incredulous world. For however it may be imagined that poetry (my talent) has so greatly the ascendant over me, that all I write must pass for fiction, I now desire to have it understood that this is reality, and matter of fact, and acted in this our latter age. Цит. по.: *Salzman P. Op. cit. P. 302–303.*

⁵¹ *Burnet Th. Op cit. P. 32.*

нета — всего лишь риторическим приемом, если бы мы не находили в ряде современных этому трактату сочинений развитые теоретико-литературные концепции, объясняющие, с одной стороны, устройство библейского текста, а с другой — принципы научной достоверности. Одна из таких концепций была сформулирована Джоном Толандом (1670–1722).

Хотя Толанд и не оставил толкований на Шестоднев, принципы его экзегезы все же стоит вкратце изложить здесь так как они представляют собой своего рода инверсию «объективистской» герменевтики Ньютона и ньютонианцев (и это при том, что Толанд был горячим поклонником идей Ньютона). Даже на фоне экзотических герменевтических построений современников Толанда его экзегеза Писания кажется сотканной из парадоксов. Сумма его герменевтики содержится в программном трактате «Христианство без тайн» (*Christianity not mysterious*, 1694–1695). В этом трактате Толанд, казалось бы, недвусмысленно утверждает, что в библейском тексте не содержится никаких смыслов, которые нельзя было бы постигнуть посредством рациональной интерпретации⁵². С не меньшим рвением, чем Ньютон или Уистон, Толанд обрушивается на аллегорические толкования Писания, считая, что они лишь затрудняют понимание библейского текста⁵³. Однако «рациональность» Толанда существенно отличается от «ясности» и «достоверности» Ньютона. В эпистемологии Толанда разум характеризуется как инструментальная дискурсивная способность, функция которой состоит в построении умозаключений. В этом смысле разум (*reason*) и самоочевидность (*self-evidence*), т.е. непосредственная данность некоторого содержания мышлению, оказываются не тождественны — более того, самоочевидность находится на стороне вероятного. Что же касается достоверности, которая является одной из базовых эпистемологических категорий в герменевтике Ньютона, то, согласно Толанду, абсолютную достоверность следует искать... в мире сновидений: так как сно-

⁵²We hold that Reason is the only Foundation of all Certitude; and that nothing reveal'd, whether as to its Manner or Existence, is more exempted from its Disquisitions, than the ordinary Phenomena of Nature (*Toland J. Christianity not Mysterious: Or, a Treatise Shewing, That there is Nothing in the Gospel Contrary to Reason, nor Above it. London, 1696. P. 6*).

⁵³См.: *Daniel S.H. John Toland, his Methods, Manners and Mind. Kingston; Montreal, 1984. P. 66.*

видения производятся нашим разумом, в них нет ничего вероятного, все аподиктически достоверно. Этот своего рода «идеализм варваров» отсылает полемически к знаменитому рассуждению о сне из «Первого размышления» Декарта и пролептически, может быть, — к “willing suspension of disbelief” Кольриджа.

Эстетическая природа «рациональности» Толанда обнаруживает себя также в том, что в его герменевтике важную роль играет категория оригинальности. Толанд полагал, что подлинный автор — в том числе и автор библейского текста — должен каждый день изобретать новые понятия, гипотезы и сюжеты⁵⁴. Эпистемологической предпосылкой разработанной Толандом теории авторства был тезис о принципиальном плюрализме рациональных интерпретаций, согласно которому всякое рациональное суждение должно быть индивидуальным и единичным. Именно поэтому становится возможным рефлексивное отношение к собственной экзегетической практике: примером такого критического самоосмысления в творчестве Толанда является «Апология м-ра Толанда в письме к самому себе» (*A Defence of Mr Toland in a Letter to Himself*, 1697) — ретроспективное обращение к «Христианству без тайн», неожиданно принимающее вид автобиографии. Эта концепция авторства позволяет Толанду экспериментировать с разными режимами достоверности: к примеру, опубликовать *анонимно* памфлет, в котором будут содержаться характеристики библейского языка, прямо противоположные тем, которые мы находим в «Христианстве без тайн»⁵⁵. Анонимность в данном случае — не просто способ защиты, но и парадоксальная стратегия дистанцирования от собственной авторской субъективности.

Итак, мы видим, что в трактате Бернета непрерывный континуум образуют литературная теория, аллегорическая экзегеза и картезианская космология; в сочинениях Толанда в неразрывном единстве выступает «рационалистическая» герменевтика и специфическая теория авторства. В этом контексте нам следует рассмотреть и физико-

⁵⁴ Those and such are the real or pretended Motives of all Authors, of Divines as well as others; and they actually advance new Notions, Expositions and Hypotheses in their Books every Day. Цит. по: *Daniel S.H.* Op. cit. P. 64.

⁵⁵ The holy scripture being altogether mysterious, allegorical, and enigmatical. (Two Essays sent in a letter from Oxford to a Nobleman in London. The first concerning some errors about they Creation, General Flood, and the Peopling of the World... The second concerning the Rise, Progress and Destruction of Fables and Romances. By L. P., Master of Arts. L., 1695. P. 31).

герменевтическую конструкцию Ньютона, воплощенную как в его собственных сочинениях, так и в трактате автора самой известной ньютонианской космологии, Уильяма Уистона. Ньютон в целом скептически относился к поэзии, в основе которой лежит иносказание: она представлялась ему несостоятельным способом репрезентации реальных событий. Так, в своей «Хронологии древних царств» он пишет, что подлинная историография могла появиться лишь тогда, когда во времена Кира историки начинают писать прозой⁵⁶. Дабы экстрагировать из библейского текста рациональное содержание, он переводит тексты Писания с мифопоэтического языка на язык исторической прозы, прибегая к эвгемерической интерпретации мифов, а также обращаясь к «теории аккомодации»⁵⁷. Аллегория со времен античности воспринималась как вид поэтического украшения, и критика аллегорической интерпретации мыслится как критика фиктивного нарратива. Более того: аллегорическое толкование трех слов из восьмого стиха пятой главы Евангелия от Иоанна — «дух», «вода» и «кровь»⁵⁸ — как трех Лиц Троицы, включенное в библейский текст переводчиками-тринитариями (прежде всего, Иеронимом⁵⁹) стало, по Ньютону, одной из причин апостазии древней Церкви, уклонившейся в тринитаризм (сам Ньютон был, как известно, арианином)⁶⁰. Ньютон советует обращаться к аллегории лишь в крайних случаях, когда контекст с очевидностью этого требует. Согласно Ньютону, библейский язык является простым (simple)⁶¹ и ясным (obvious, plain);

⁵⁶ *Ньютон И.* Хронология древних царств / пер. с англ. С.В. Барсукова. М., 2007. С. 14.

⁵⁷ As to Moses I do think his description of ye creation either Philosophical or feigned, but that he described realities in a language artificially adapted to ye sense of ye vulgar. Цит. по: Rossi P. *The Dark Abyss of Time: The History of the Earth and the History of Nations from Hooke to Vico*. Chicago, 1987. P. 67.

⁵⁸ И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном (1Ин. 5:7).

⁵⁹ То же и в русском Синодальном переводе: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино» (1Ин. 5:8).

⁶⁰ Some of the Latins interpreted the spirit water & blood of the Father, Son & Holy Ghost to prove them one. Цит. по: *The Unitarian Miscelanny and Christian Monitor*. Vol. 5 / eds. J. Sparks, F.W.P. Greenwood. Baltimore, 1824. P. 292.

⁶¹ Nature is pleased with simplicity; Truth is ever to be found in simplicity, & not in ye multiplicity & confusion of things. It is ye perfection of God's works that they are all done with ye greatest simplicity. He is ye God of order. Цит. по: *Westfall R.S.* *Never at rest: a biography of Isaac Newton*. P. 326–327.

каждый фрагмент Писания обладает единственным смыслом⁶². Любопытно, однако, в каких случаях Ньютон все же считает аллегорезу дозволенной.

Во-первых, аллегорическому толкованию подлежат те книги Писания, которые Ньютон считал наиболее важными, — Книга Даниила и Апокалипсис: предполагается, что в них содержится некая «сумма богословия», которую можно экстрагировать, применив к их текстам «духовное» толкование; в то время как к остальным книгам Библии допустимо применять лишь «историческое» толкование. Характерно, кстати, что именно толкования на эти книги — «Толкования на Пророчества Даниила и Апокалипсис св. Иоанна» (*Observations on the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John*) — стали единственным экзегетическим трудом Ньютона, опубликованным вскоре после его смерти в 1733 г.

Во-вторых, *ultimum refugium* аллегории становится физика, как это с очевидностью следует из “*Scholium generale*”. В физике мы по необходимости имеем дело только с телами, она совершенно лишена *исторического* содержания. Если ставить себе целью раскрыть ее теологическое содержание, то окажется, что предметом богословствования для физика являются способы присутствия Бога в природном мире и свойства этого мира, сотворенные Богом. А говорить об этом можно только при помощи метафор и аналогий: так аллегоризация становится единственной легитимной в рамках физики герменевтической операцией. В этом смысле физик подобен невежественному иудею, лишенному понятия о бестелесном: он обречен навсегда оставаться в царстве аллегории.

Ньютон не оставил систематической космогонии, как не оставил он и развернутого комментария на Шестоднев — он препоручил этот труд своему ученику, преемнику по Лукасианской кафедре и пламенному ариану Уильяму Уистону (1667–1752). Экзегезе первой главы Книги Бытия посвящен трактат Уистона «Новая Теория Земли: от

⁶² Rules for interpreting ye words, & language in Scripture (Definitions and Propositions galore) To observe diligently the consent of scriptures & analogy of the prophetic stile... to assigne but one meaning to one place of scripture... to keep close the same sense of words...to chose those interpretations wch are most according to ye litterall meaning of ye scriptures unless where the tenour & circumstances of ye place plainly require an Allegory. Цит. по: *Popkin R.H. Newton as Bible Scholar // Essays on Contest, Nature and Influence of Isaac Newton's Theology / eds. J.E. Force, R.H. Popkin. Dodrecht, 1990. P. 103.*

Возникновения до Конца Мира» (*A New Theory of the Earth: from its Original, to the Consommation of all Things*, 1696). Уистон приписывает библейскому языку те же свойства, что и Ньютон: ясность, очевидность для всякого непредвзятого читателя, естественность⁶³. Уистон сводит воедино критерии толкования священного текста, которые он берет из разных источников: это «врожденные понятия» – популярная категория в эпистемологии рассматриваемого периода, введенная в оборот Декартом и отвергнутая Локком; божественные совершенства; «достоверное наблюдение природы»⁶⁴. Аллегореза Бернета категорически отвергается: вместо того, чтобы довольствоваться «естественным» смыслом Писания, которое, согласно старой протестантской формуле, истолковывает само себя, Бернет делает библейский текст собранием мифов на потребу черни⁶⁵.

Однако полемика с Бернетом в трактате Уистона развивается по двум взаимосвязанным направлениям: критика аллегории и, вместе с тем, критика картезианской космологии⁶⁶. Конкретно мишенью критики со стороны Уистона становится гипотеза Декарта о происхождении Земли как результате действия «вихрей», которой он противопоставляет теорию Ньютона о решающем значении в этом процессе комет, однако в действительности Уистон критикует сам гипотетический метод Декарта, позволяющий исследователю природы применять априорные принципы для изучения феноменов⁶⁷. Уистон характеризует гипотетическую физику Картезия как литературный вымысел (*fiction*). О литературности научных сочинений Декарта говорили мно-

⁶³ To recede a little from the receive'd opinions of Men...we keep so much the closer to the Oracles of God, and the obvious and literal Interpretation of them; and explain the Bible no otherwise than the plain words themselves would appear most naturally to intend to any disinterested and unconcern'd Person (*Whiston W. A New Theory of the Earth: from its Original, to the Consommation of all Things*. London, 1737. P. 28).

⁶⁴ A sense which is contrary to his innate Notions, to the Perfections of God, and the certain Observations of Nature, as of that which puts a force upon the Words themselves, and renders them meerly popular and mythological (*Ibid*. P. 80).

⁶⁵ Instead of resolving to rest satisfied in the natural sense of Scripture, and acquiescing in the Divine Revelation, till farther Means of clearing the whole should offer themselves (*Ibid*. P. 78).

⁶⁶ Картезианская физика продолжала удерживать позиции в английских университетах на протяжении еще сорока лет после выхода в свет «Начал» Ньютона.

⁶⁷ *Magruder K.V. The Idiom of a Six Day Creation and Global Depictions in Theories of the Earth // Geology and Religion: a History of Harmony and Hostility / ed. M. Kölbl-Ebert. P. 58–62.*

гие: например, Джон Эдвардс называл его лучшим писателем, чем сам Моисей⁶⁸. Эдвард Говард утверждал, что, приняв принципы философии Декарта, мы будем вынуждены опираться на «фиктивные измышления вместо надежного опыта» (rely on fictitious Inventions, instead of warrantable experience)⁶⁹. Наконец, сам Декарт характеризовал свои «Начала философии» как «роман» в знаменитом письме к аббату Клоду Пико, которое Ньютон, по мнению исследователей, почти наверняка должен был читать⁷⁰. В «Оптике» Ньютон иронически соглашается с самооценкой Картезия⁷¹. Уильям Уистон также жаловался на то, что в Кембридже по-прежнему продолжали преподавать «вымышленные гипотезы» (fictitious hypotheses) Картезия вместо математизированной физики Ньютона⁷². В сочинениях самого Ньютона и Уильяма Уистона картезианская модель космологии описывается в одних и тех же терминах: fictious, Romantick, hypothetical. Таким образом, в изображении Уистона космология Бернета оказывается двойной фикцией: основанной на *аллегорическом* толковании *гипотетической* конструкцией происхождения мира. Приоритет буквального толкования и принцип строгого следования *intentio auctoris* в исследовании священного текста ассоциируется с верностью феноменам и неприязнью к абстракциям (*hypotheses non fingo*) – чертами, свойственными индуктивной науке.

В дискуссиях о происхождении мира мы можем наблюдать парадоксальное противостояние теории текста, предполагающей собственные концепции достоверности (*romance* как наиболее точная форма отображения действительности у Т. Бернета, особый «гипнотический» способ получения достоверности у Дж. Толанда), и натурфилософии, отрицающей вымысел, правдоподобие и гипотезы во

⁶⁸ Harrison P. The Influence of Cartesian Cosmology in England // Descartes' Natural Philosophy / eds. S. Gaukroger, J. Schuster, J. Sutton. L; N. Y., 2002. P. 168.

⁶⁹ Ibid. P. 177.

⁷⁰ Guicciardini N. Op. cit. P. 23.

⁷¹ But if without deriving the properties of things from Phaenomena you feign Hypotheses & think by them to explain all nature, you may make a plausible systeme of Philosophy for getting yourself a name, but your systeme will be little better than a romance. Цит. по: Ibid. P. 24.

⁷² Cajori F. Appendix // Sir Isaac Newton. Principia. Vol. II. The System of the World / ed. F. Cajori. Berkeley, 1934. P. 630.

имя математической рациональности, основанной на исследовании феноменов. В литературе ньютоновских комментариев к Шестодневу и историй Земли (сам Ньютон, Уильям Уистон, Дж. Кейл) первая глава Книги Бытия квалифицируется как натурфилософский трактат, написанный несобственным языком и нуждающейся в транскрипции на языке то ли пифагорейской математики, то ли экспериментального естествознания. В альтернативной традиции, представленной, прежде всего, комментаторами-деистами (Ч. Блаунт, Дж. Толанд, Ч. Бернет), рассказ Моисея рассматривается как литературный текст и определяется, в соответствии с жанровой классификацией английской литературы Просвещения, или как *romance* (Т. Бернет), или как *novel* (Дж. Толанд). Таким образом, оказывается, что в научной литературе Просвещения библейская герменевтика и литературная теория вполне могли составлять конкуренцию индуктивистской методологии естественных дисциплин. На наш взгляд, эта ситуация не является лишь следствием недостаточной зрелости нововременной науки, еще не обретшей в полной мере свою парадигматическую форму и не до конца освободившейся от инородных включений. Подвижность дисциплинарных границ делает бессмысленным привычное представление об интервенции методологии естественных наук в сферу наук гуманитарных как учредительном акте нововременной истории науки. Именно поэтому любая попытка выстроить иерархию в дисциплинарном поле раннего Нового времени обречена на провал: исходная эпистемическая установка, направляющая как естественнонаучные, так и гуманитарные (филолого-герменевтические) исследования, не принадлежит исключительно ни тем, ни другим. Энтузиазм, связанный с применением математических методов для исследования природы, с их грандиозным эвристическим потенциалом и аподиктической строгостью, сочетается здесь с обусловленной эстетическими предпочтениями и доктринальной позицией неприязнью к абстракциям, гипотетическим положениям и фикции. Центральный для индуктивистской модели науки принцип дескриптивной корректности и приоритета феноменов над обобщениями сопрягается с буквалистским прочтением библейского текста и недоверием к внешней интерпретации (эта операция в экзегетическом языке того времени обозначалась замечательным глаголом “*allegorize away*”) в той кальвинистской версии протестантской экзегезы, которую Ньютон и его ученики восприняли от нидерландских теологов

(эта ассоциация очень четко выражена у Уистона: *certain Phaenomena – genuine Sense*). Принимаемым по умолчанию принципом обращения как с объектным миром, так и с текстом становится интуиция герменевтической прозрачности, включающая в себя представление о непосредственном присутствии рационального содержания в исследуемом объекте, одномерности и гомогенности предмета науки и возможности беспроблемной формализации полученного знания.

Препринт WP6/2011/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Соколов Павел Валерьевич

**Physica sacra Исаака Ньютона
в контексте трактатов о «теории Земли»**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *Е.Л. Качалова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Высшей школы экономики
с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,65. Заказ № . Изд. № 1339

Высшая школа экономики. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Высшей школы экономики. 125319, Москва,

Тел.: (499) 611-24-15